

Белорецкие отшельники

Есть в Башкирии город Белорецк. Он мне очень нравился. И сейчас нравится, готов приезжать в него снова и снова. Впервые судьба свела меня с Белорецком в конце 1979 года. Тогда я получил диплом инженера в УПИ и по распределению остался работать на кафедре металловедения, у которой с Белорецком были весьма дружественные связи. Во-первых, несколько сотрудников кафедры были оттуда родом. Во-вторых, в этом городе располагается металлургический комбинат, с которым кафедра вела хозяйственно-договорные научно-исследовательские работы, позволявшие слегка скрасить мой бюджет, ограниченный 98 рублями. Именно на БМК я проводил все экспериментальные работы с высокопрочной проволокой, которой была посвящена моя кандидатская диссертация. В общей сложности в первой половине 1980-х годов я побывал в Белорецке ровно 40 раз! Благо, тогда в этот город из Свердловска трижды в неделю (вторник, четверг, суббота) летал прямой самолет, обычно «Як-40». В настоящее время, насколько я понимаю, никакого аэропорта в этом городе нет и в обозримом будущем не предвидится.

Белорецк со всех сторон окружен зелеными Уральскими горами. Именно такие холмы Д. Н. Мамин-Сибиряк называл «мильми». Природа потрясающе красива. На юге из любой точки Белорецка виден острый шпиль горы Арвякрязь, с севера к городу подступают хребты Малидак и Ялангас. На первом – самая знаменитая гора Малиновка, а на втором вершина так и называется – Ялангас. В Белорецке была в ходу поговорка про пьяниц: «Один глаз на Ялангас, другой – на Малиновку».

Описываемые события произошли в знойной середине июня 1981 года. В прошлые выходные я сходил на Малиновку. Даже, если честно, не сходил, а сбегал. В лесу меня атаковали полчища оводов (или слепней, паутов, шершней? Энтомология – не мой конёк). Короче, на гору я поднялся еще как-то более или менее, а на спуске они меня сожрали. Вниз я несся бегом, с разбегу во всей одежде плюхнулся в речку Нуру и секунд 10 лежал на дне, недосыгаемый для жужжащих стервятников. Когда кислородный запас закончился, пришлось и дальше спасаться бегом...

На неделе я познакомился с белорецким краеведом Алексеем Дмитриевым. Вместе с его дочерью Людмилой Алексеевной Мальцевой я работал на упомянутой выше кафедре. Он поведал мне множество интересных историй. Вот одна из них.

«Начинают накрапывать крупные редкие капли дождя. Ночь застает нас на иремельской тропе в самом неудобном для ночевки месте – глухом таежном лесу. Позади топкое высокогорное болото, еле выбрались из него, кругом мокро. А тут ночь, да еще с дождем. Так получилось, что у нас на этот раз и палатки с собой нет. Идем налегке вдвоем. Шли весь день. Путь свой начали от бывшего разъезда Рудник на узкоколейной железной дороге за Тирляном. Сегодня, 26 августа, погода с утра стояла сухая, жаркая. Прошли Малахов камень, хребет Баштур. Побывали в его таинственной беседке, повисшей над глубокой расщелиной в скальном гребне. Заходили в деревню Николаевку. Красивейшим скальным хребтом Бакты добрались до Иремеля. До места ночевки нужен еще час пути. Однако внезапно спустившаяся ночь, да еще с дождем, лишила нас этой возможности.»

Надо что-то быстро предпринимать для организации ночевки, пока дождь не хлынул по-настоящему. Перебираем в памяти различные варианты. И вспоминаем, что, когда выбрались из болота, видели едва приметную тропку. Она уходила вправо и даже несколько назад от нашей дорожки. Тропа была незнакомая. Однако рассматривать ее было некогда – мы спешили. Странной она была уже по одному тому, что сворот на нее был тщательно замаскирован. Только опытный глаз мог его заметить. Решаем попытать счастья на этой тропе, пока еще не совсем темно, и редкие капли дождя не перешли в ливень. По направлению она может нас вывести к Иремельскому камню, под

его скальные осыпи. Это самый короткий путь через лес. Возвращаемся, находим скрытую тропу и через густой ельник с большим количеством сухостоя, что уже неплохо для ночевки, пробираемся по тропе вверх. Если ничего лучшего не найдем, можно провести ночь и здесь.

Лес быстро редет, тропа становится отчетливей. Выходим на открытое место, узкой полоской раскинувшееся поперек нашей тропы. Начинают попадаться отдельные каменные валуны, дальше всех сбежавшие с каменных осыпей под южным перевалом. Открытых мест становится больше. В густых сумерках кое-где отдельными группами чернеют ели. Тропа уверенно ведет к одной из таких еловых групп. Дождь продолжает накрапывать. Изрядно промокли. Хочется вернуться в густой полусухой ельник. Однако любопытство берет свое. Тропа очень странная, не туристическая. Внезапно натыкаемся на жердяную ограду, на закрытый жердями пропил в поваленной большой ели.

Перед нами четырехугольный дворик, стены которого образованы срубленными четырьмя елями. Крупные деревья спилены и свалены таким образом, что каждая из них вершиной лежит на комле следующей, образуя непроходимую ограду дворика. В одной из елей часть ствола выпилена, сделан удобный проход, закрывающийся короткими жердями. Через поваленные стволы деревьев внутри дворика видим еще одну ель, под густыми ветками которой различается какое-то строение. Осмотревшись, входим внутрь. Такого мы даже ожидать не могли! Несмотря на то, что уже довольно темно, скорее чувствуем, чем видим, чистоту и обжитость этого места. Посредине лежит большая каменная плита из кварца размером 3 на 5 метров. Из-под нижней кромки плиты бьет родничок. Вода из него ручьем бежит через дворик, подныривая под сваленную ветвистую ель и дальше – через лес к болоту. Все это установили мы уже на другой день. Сейчас же, осматривая дворик, не перестаем удивляться.

У верхней кромки каменной плиты, под большой елью стоит крепко построенный шалаш дверями на камень к роднику. В центре плиты, между родником и входом в шалаш, хорошо оборудованное место для костра. Вместо сошек – выложенные из камня надежные столбики. Рядом с шалашом, под самой елью, аккуратно сложенные мелко рубленные для костра дрова. Заглядываем в шалаш и убеждаемся, что там никого нет. Быстро разжигаем костер. Сушимся. Готовим ужин. Пока еда варится, тщательно, с фонариками в руках, осматриваем внутренность шалаша. Стены его сделаны из протесанных вертикально стоящих жердей. Шалаш просторный. Сухой и чистый. Вдоль стен, справа и слева от дверей – двое нар. В глубине шалаша еще одни такие же нары. Они сделаны из жердей, от пола подняты на чурбаках. Под нарами место для вещей. На каждых - постель из сена. Двери в передней стене хорошо оформлены. Имеют косяки из толстых жердей с перекрытием сверху. При желании или при необходимости двери можно закрыть изнутри.

Однако главной защитой ночью является костер в двух метрах от входа в шалаш. Он не только защищает двери, но и дает свет и тепло внутри временного жилища. Осматривая, не перестаем удивляться: кто и зачем построил такой шалаш? Хороший, удобный, тут костер, вода, готовые сухие дрова, а вокруг почти непреступные стены из сваленных ветвистых елей с удобно закрывающимся проходом. Все это буквально свалилось нам на голову среди ночи, как неожиданная удача. И вот это как раз нас больше всего беспокоит. Чей же это шалаш? Кто подобрал такое удобное место и зачем, да еще в такой далекой глуши?»*

В наступившие выходные я решил не останавливаться на достигнутом и совершить поход на Ялангас с ночевкой. Впервые в жизни в одиночку. Ранним утром по субботнему небу тянулись сизые тучи, скрывавшие вершины окрестных гор. Несколько раз начинался дождь. У меня не было даже палатки, только кусок полиэтилена и спальный мешок. Покидать Дом колхозника, в котором я

проживал в 6-местном номере за 60 копеек в сутки, не очень хотелось. Решающим фактором, склонившим меня уйти в горы, стали безумно надоевшие соседи-южане, которые торговали фруктами на соседнем базаре. Они приставали ко мне с расспросами, сколько я получаю и зачем работаю за такие гроши. Сами южане ворочали огромными деньжищами и пытались учить меня жить, но обитали-то, между прочим, тоже в Доме колхозника.

Я надел сапоги, засунул в рюкзак перекусы, спальник, кусок полиэтилена и необходимые походные мелочи. До окраины Белорецка доехал на автобусе. Город словно вымер: почти нет прохожих, пустой автобус. Нудные тучи окончательно затянули небосвод. И зачем я поехал?

На выезде из города мне повезло. Сзади послышался шум автомобиля, я оглянулся, махнул рукой и через минуту ехал в синем «Запорожце». Куда отправился водила, я так и не понял, но меня он обещал высадить перед Отнурком, что мне, собственно, и было нужно. В дороге он интересовался, кто я такой, а узнав, что я учусь в аспирантуре и обладаю стипендией в 98 рублей, начал знакомую демагогию про то, как надо жить, а как не надо. По его классификации я стопроцентно попадал во вторую категорию глупых, немощных и прочих юродивых. Я хотел его убить, но он, на свое счастье, сообщил, что мы приехали. Предложил ему рубль, на что тот сказал, что с нищих денег не берет. Я покинул его «болид», который, отъезжая, обдал меня газом и даже немного грязью.

Прямо от места, где меня высадил шофер, от основной дороги, которую можно было с некоторой натяжкой назвать улучшенной, отходила другая дорога, точнее, просто две колеи. Я пошел по мокрой колее, ветви кустов стряхивали на меня воду, даже когда дождик ослабел. Дорога выродилась в тропу, то подходя к реке, то забираясь вверх, скучно брела среди соснового леса. Наверху было более-менее сухо. Как только я спускался вниз, ноги разъезжались по грязи в разные стороны, и идти становилось неудобно.

Мне были очень интересны ощущения путешественника без спутников. Одиночество позволяло идти с удобной скоростью и выбирать путь исключительно на свое усмотрение. Однако я заметил, что почему-то сильно разгоняюсь (намного сильнее, чем в группе), хотя старался идти степенно и размеренно. Лесные шорохи, скрип деревьев и прочие звуки меня не пугали, потому что я примерно представлял себе, что именно издает тот или иной шум.

Погода тем временем не думала улучшаться. Дождь заморосил снова. Теперь тропа отошла от реки и двигалась между крупных камней, а иногда и прямо по ним. Примерно через час-полтора тропа, которая была хорошо натоптанной, вышла на небольшую поляну и... потерялась. Я обошел всю поляну по периметру, но выхода так и не нашел. Каким-то немыслимым способом он был скрыт. Это было неприятно. Во-первых, теперь предстояло лезть напрямик через угрюмый мокрый лес, а во-вторых, к этому моменту тропа довольно далеко отошла от реки, которую даже не было слышно, а речку было бы удобно использовать в качестве ориентира, идя вдоль нее. Там, глядишь, и тропка появилась бы снова. Огорчившись, я уселся на мокрый ствол поваленной березы, тут же промочил штаны, но все же решил перекусить.

После привала пришлось продираться сквозь лес, выливая на себя литры воды с густой растительности. Наконец я вышел на открытое место, оно было слегка заболочено и покрыто редкими чахлыми березками и какими-то кустами. С этого места должны быть видны горы, но серое небо застилало их до самых оснований. Дождь на время прекратился, и от земли поднималась испарина. Еле заметный след вел куда-то вглубь болота. Появились комары. Они противно жужжали и начали кусать. Я достал жидкость против комаров и обильно смазал лицо и руки. Какое-то время это помогало, но недолго, потому что я был весь мокрый.

Болото чавкало, приходилось прыгать с кочки на кочку. Вообще, откуда оно взялось, это болото, было непонятно. На моей плохонькой синьке (копия технического чертежа, полученная с помощью контактной печати на светочувствительной бумаге – ред.), которую мне дал кто-то из турклуба, в этом месте должен был начинаться подъем на гору, причем вдоль ручья, который я уже давно потерял. Я понял, что заблудился. Компас показывал вроде правильно. Учитывая, что промок насквозь, я начал задумываться об организации ночлега. Но места вокруг были гиблые. На межгорное болото спустился туман. Почему болото межгорное? Да потому, что здесь, судя по карте, горы должны быть со всех сторон, а чего уж точно не должно быть, так это болота.

Я шел еще несколько минут. Впереди угадывался небольшой подъем, что-то вроде островка посреди топи. К нему вела едва приметная тропка. Я очень обрадовался и решил именно на этом пригорке заночевать, а уж утром разобраться, где нахожусь.

Тропка забирала влево, через несколько десятков шагов я заметил впереди очертания какого-то небольшого строения. Вот это удача! Естественно, сразу же вспомнился приведенный выше рассказ А. Дмитриева о находке лесного шалаша, в который я не слишком поверил! Неужели удастся провести ночь в сухой избушке? Хорошо бы в ней никого не было! Как у Алексея Иосифовича. Но тут впереди по курсу я различил какой-то звук. В первый момент мне почудилось, что я слышу кудахтанье кур. Я думал, что тронулся умом. Но нет, черт возьми, это реально был курятник, пристроенный к маленькой, но добротной избушке. По другую сторону от нее я увидел возделанные грядки.

Окончание следует.

*Текст приведён из книги А. И. Дмитриева «По тропам Южного Урала», Екатеринбург: УрО РАН, 2012 год.

Источник:

Рундквист, Н. Белорецкие отшельники : [поход на Ялангас, 1981 год] / Н. Рундквист. – Текст : непосредственный // Белорецкий рабочий. – 2021. – 2 апреля. – С. 10.

Белорецкие отшельники

Окончание.

Начало в номере за 2 апреля

Ясно, что избушка обитаема. Это меня слегка огорчило: живет тут какой-нибудь бобыль, разочаровавшийся в женщинах, или отпускник-охотник, отдыхающий в уединении... Ладно, хотя бы подскажет дорогу. Я подошел к домику и деликатно постучал в дверь:

– Добрый день, хозяева!

Ответа не последовало. Я произнес эту фразу еще пару раз, а затем потянул дверь на себя, и она, массивная и обитая изнутри каким-то тяжелым материалом, неожиданно открылась... Внутри не было ни сеней, ни прочих предбанников. Я сразу оказался в единственной комнатке размером примерно три на четыре метра. До потолка я едва не доставал головой. В этой клетушке было одно-единственное

крохотное оконце под потолком, да и то с закопченными стеклами. Света оно практически не пропускало, в помещении было темно. Отмечу, что затхлость, характерная для лесных изб, которыми пользуются от случая к случаю, не ощущалась.

Освоившись в темноте, я заметил под окном топчан, который при желании можно было назвать диваном, рядом с ним располагался низкий, грубо сколоченный длинный стол, на нем стояла какая-то посуда, на краю лежала стопка книг и журналов, довольно старых на вид. В центре столешницы, в вырезанном прямо в ней углублении, стояла свеча. Правая стена в изобилии была утыкана гвоздями и железнодорожными костылями, которые выполняли функции вешалок, на них висели какие-то темные мешковатые одежды. К левой стенке были прибиты полки разных размеров и явно кустарного производства. На полках – какие-то склянки и кастрюльки. На крючке висела большая сковорода.

Слева от входа стояла маленькая печка с трубой, выходящей через боковую стену наружу. У печки валялись два полена, щепы и опилки...

– Здравствуй, гость! – произнес кто-то прямо за моей спиной.

Это было так неожиданно, что я вздрогнул и отскочил в сторону, едва не свалив одну из полок. Позади меня стоял невысокий худощавый мужичок в распахнутой телогрейке и старомодной кепке. На вид ему было за пятьдесят. Надо отдать должное: подкрался он совершенно бесшумно и теперь пытался рассмотреть меня в этих потемках.

– Привет! – почему-то сказал я. – Извините, что зашел сюда.

– Откуда, сын?

– Из Белорецка. На выходные решил в горы сходить. На Ялангас...

– Ну ты, сын, крепко заблудился! Ялангас же далеко. Там он, – сообщил хозяин, махнув рукой в сторону, совершенно противоположную той, где по моим скромным понятиям находилась эта гора.

Я спорить не стал. Однажды ингушский чиновник показал мне в окно из своего кабинета в Назрани на дальнюю гору, сообщив, что это Эльбрус. Мне и тогда хватило такта, чтобы не пуститься в объяснения, что эта гора Казбек!

– Живешь в Белорецке?

– Нет, в Свердловске. В Белорецке бываю в командировках.

– А-а-а...

Тут я приготовился к вопросу о том, сколько я получаю за работу с частыми командировками, но хозяин протянул руку и сообщил:

– Валерий.

– Коля...

– Чего ж ты в дождь-то пошел?

– Думал, кончится... А вы тут в отпуске?

– Ну, вроде того. Пока живу...

– Я гляжу, у вас хозяйство большое.

– Не такое уж большое. Овощи посадил да кур завел.

– Зимой тоже здесь бываете?

– Как придется, – уклончиво сообщил хозяин.

На ужин я достал здоровенный шмат сала, завернутый в газету. Этот замечательный кусок мне передала жена рабочего, который волочил проволоку для моей диссертации. Сало было ответной благодарностью за привезенную мною из Свердловска огромную упаковку пахучих дрожжей, которые в Белорецке отсутствовали. Испещренное розовыми прожилками, сало источало потусторонний аромат, которым тут же наполнилась вся избушка. Валерий внимательно наблюдал за моими манипуляциями. Я думал, угощение вызовет восторг лесного жителя. Оказалось, однако, что его внимание привлекла замасленная газета, в которую было завернуто лакомство. Она была недельной давности и не содержала решительно ничего интересного. Но Валерий вытащил и припал к ней, словно путник к источнику воды в знойной пустыне.

– Общественный строй-то в стране не изменился? – спросил лесной отшельник, расправив газету на колене.

– Разве у нас может измениться строй? – искренне изумился я.

– И Брежнев, смотрю, живой! – Валерий с нескрываемым интересом читал пустопорожнюю передовицу.

Его было удивительно слушать. Давненько же хозяин не был на людях. Мне хотелось спросить его об этом, но ощущение подсказывало, что делать этого не стоит. Я рассказал ему анекдот про Брежнева, открывающего в 2000 году в Кремлевском Дворце XXXV съезд КПСС. Валерий ухмыльнулся.

Спать я улегся на полу вдоль стены, под полками. Валерий предлагал свою лежанку, но я, утомленный впечатлениями, уснул раньше, чем он дождался ответа.

Утром мы шли через болото по гатям. Местами жердей не было или они ушли под воду. В таких местах Валерий ловко прыгал с кочки на кочку. Я не отставал, но один раз соскользнул с бугорка и сразу увяз в болоте выше колена, промочив ноги.

Валера протянул мне палку, и снова у меня под ногами оказалась твердая почва. Через 30 минут впереди показался какой-то вал, пересекающий болото. Мы поднялись на высокую насыпь узкоколейной железной дороги. Откуда она тут взялась, я не понимал. Полированные головки рельсов блестели и указывали на регулярное движение поездов. Я был совершенно сбит с толку. Валерий остановился и сказал:

– Вот и пришли. Дальше один пойдешь. Это в Белорецк дорога. До него километра четыре...

«Этого не может быть!» – подумал я, а вслух спросил:

– А в ту сторону дорога куда?

– В Тирлян, куда же еще.

Выходит, это была знаменитая узкоколейка Катав-Ивановск – Белорецк, уже значительно разобранный к тому времени, но на участке между Белорецком и Тирляном еще всю работавшая. Послышался шум приближающегося железнодорожного состава.

– Давай, бывай! Топай!

– Спасибо! До свидания!

Я не успел закончить фразу, а мой новый знакомый спрыгнул с насыпи, нырнул в густой березняк и сразу же исчез из виду. Мне тоже пришлось снова спуститься к болоту, чтобы пропустить маленький тепловоз с тремя скрипучими зелеными вагонами.

Не прошло и часа, как я действительно пришел в Белорецк. Моему недоумению не было предела. Совершенно одуроченный, я сел на скамью под навесом на конечной остановке автобуса и развернул свою карту-синьку. Вчера меня везли на автомобиле, потом я целый день шел в противоположном от города направлении, заблудился, попал на болото, ночевал в странной избушке, а потом за полтора часа достиг городской окраины. Никакого сколько-нибудь разумного объяснения я не находил.

Вечером купил торт и посетил Алексея Иосифовича. Он с любопытством выслушал мою историю и сказал:

– Знаешь, Николай, вокруг Белорецка всегда было полно отшельников. Ты представляешь, в лесах до начала шестидесятых годов скрывались дезертиры. Я неоднократно наткнулся на их лёжки.

Старый краевед разлил чай и приступил к новому рассказу о походе со школьниками.

«По всему гребню Аурсяка разбросано большое количество скальных нагромождений. Одно из них особенно интересное. Похоже на остатки разрушенного древнего города. Если посмотреть с высокой соседней скалы, можно найти продольные и поперечные улицы, а между ними – остатки разрушенных фундаментов, как будто улицы завалены кусками-глыбами от развалившихся стен зданий...»

За каменной стеной - еще одно чудо: среди дремучего леса стоят небольшие каменные столбы чуть выше деревьев. Стоят тесно. Проходы между ними заросли пихтовым лесом, деревья цепляются корнями за щели в скалах. Только что мы считали, что здесь веками не было человека, а вдруг увидели очень слабую струйку бледно-голубого дыма. Источник дыма – затухающий костер – мы обнаружили между каменными столбами. Да, здесь всё говорит о присутствии людей. Вытоптанная досуха и измельченная в труху трава. Небольшое, но выгоревшее до корней деревьев кострище с еще горячими угольками и, наконец, гнезда-постели между каменными глыбами у костра. Вещей никаких нет. Людей – тоже.

И все-таки нас смутило, что мы невольно вторглись в чужое обиталище. Не осмотрев загадочные скалы-столбы, уходим. Так и остались они для нас загадкой. Как они возникли? Что собой представляют?

А после внезапной встречи чужого убежища загадка стала вдвойне интересней...

После двенадцати ночи иду со своим помощником Василием устраивать на ночь на обрыве над рекой палатку, самую крайнюю. Уже заканчиваем готовить постели, как вдруг обращаем внимание, что шум у костра внезапно стих. Тишина. Какое-то беспокойство сразу охватывает нас. Выбираемся из палатки, идем к костру.

На бревнах у костра большой дружной группой сидят наши туристы. На лицах у всех испуг. Смотрят в одном направлении. Перед ними стоит обросший, оборванный бродяга и что-то требует. За спиной у туристов, за кучей хвороста, вижу второго такого же оборванца. Из-за ветвей пихты огнем костра высвечивается мохнатая голова еще одного. Подхожу ближе, строго спрашиваю: «В чем дело?» Все молчат.

Трогаю за плечо Надю, прошу объяснить, что происходит. Оказывается, бродяга грубо требует у ребят, чтобы ему дали соль. Обращаюсь к нему с тем же вопросом. Молчит, но явно меняется его

настроение. Начинает оглядываться по сторонам, угрожающий вид меняется на просительный. С трудом выдавливает из себя: «Дайте соли!» Оказывается, моё, а затем и моего помощника появление у костра явно расстроило их планы. Ребята понемногу приходят в себя, один за другим поднимаются с брёвен у костра, группируются рядом со мной. Прошу дежурных подать мне начатую сегодня пачку соли. Режу ножом ее на две части. И одну половину вместе с буханкой хлеба отдаю бродяге. В упор рассматриваю его. Волосы на голове и борода давно не стрижены. Головного убора нет. Грязный, глаза злые, колючие. Рубаха без пояса. Сам весь оборван. На ногах –

*галоши или сапоги без голенищ, привязанные к ногам веревочками. Соль и хлеб берет молча. Не благодарит. Спрашиваю: «Кто вы такие?» Тот сначала молчит, потом со злостью и какой-то гордостью отвечает: «Сыны России». Спрашиваю: «Где вы, сыны, живете и сколько вас таких?» Уже уходя, через плечо он бросает мне: «Сколько нас? На вас хватит! А где живем – не ваше дело!» **

*Текст приведён из книги А. И. Дмитриева «По тропам Южного Урала», Екатеринбург: УрО РАН, 2012 год.

Николай Антонович Рундквист - российский путешественник, писатель, географ, краевед. Кандидат технических наук, член Союза журналистов России.

Родился в 1957 году в городе Кривой Рог в семье доцента Криворожского горнорудного института. До 1967 года жил в Ленинграде, с 1967 года - в Свердловске. В 1979 году с отличием окончил металлургический факультет Уральского политехнического института (УПИ), в 1984 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Структура и свойства нержавеющей мартенситно-стареющих сталей». До 1990 года работал на кафедре металловедения в УПИ.

С 1990 года является профессиональным путешественником и писателем, а также организатором и участником экспедиций «Большой Урал» (1991 год, Магнитогорск - побережье мыс Дежнёва, 100 дней, 3335 км) и «Дорогами России» (1997 год, Выборг - побережье Карского моря, 153 дня, 13987 км) и других.

Н. А. Рундквист - президент Российской ассоциации пеших путешественников и участник оргкомитета Европейской ассоциации путешественников. Многократный чемпион СССР и России по спортивному туризму, мастер спорта СССР по туризму. Автор 33 научных публикаций, 4 авторских свидетельств на изобретения в области производства сталей.

Источник:

Рундквист, Н. Белорецкие отшельники : [поход на Ялангас, 1981 год] / Н. Рундквист. – Текст : непосредственный // Белорецкий рабочий. – 2021. – 6 апреля. – С. 6. – Окончание. Начало : 2 апреля (№ 26-27), загл. : Белорецкие отшельники.